

POÉSIES

СТИХОТВОРЕНИЯ

LES ÉTRENNES DES ORPHELINS

СИРОТСКИЕ ПОДАРКИ

I

Нет света в комнате, но в сумраке теней
Спросонья шепоток детишек тем слышней;
С ребенком шепчется ребенок оробелый,
Едва колышется над ними полог белый;
Птиц в небе тяготит густеющая мгла,
Так что дрожат у них от холода крыла,
И Новый год идет в тиши настороженной,
Окутан мантией своею заснеженной;
Смеется, плачет он, поет, хоть сам продрог...

II

Под белым пологом чуть слышный говорок.
Детишки шепчутся, как шепчутся ночами,
Едва разбужены невнятными речами.
Они дрожат, едва заслышав резкий звук
Рассвета зимнего, столь явственный вокруг,
Что, кажется, металл звенит в стеклянной сфере...
В холодной комнате, как в ледяной пещере,
Сквозняк, особенно пронзительный в углу;
Одежды мрачные пылятся на полу —
Приметы траура; здесь, видно, скорбь витает;
И, значит, в комнате кого-то не хватает,
Неужто малышам не улыбнулась мать,
Чтобы могли они спокойно задремать?
Вам хочется спросить: а по какой причине

Вчера забыла мать раздуть огонь в камине,
Ушла, не подоткнув пуховых одеял,
Хотя мороз ночной за окнами стоял,
Как не предвидела рассветной лютой стужи,
Благословить забыв детей своих к тому же?
Кто, кроме матери, гнездо для них совет,
Чтобы не знать им бурь и тягостных забот,
Как пташкам, чей приют — обветренные ветки,
Среди которых сны прекрасные не редки!
Как холодно в гнезде! Где перышки, где пух?
Испуганы птенцы — и жалуется вслух
В дыханье ледяном безжалостной метели.

III

Вы угадали, да, птенцы осиротели.
Нет больше матери, отец в краях чужих;
Лишь нянька старая заботится о них.
Их мысли смутные пока еще не четки,
Но пробуют они перебирать, как четки,
Воспоминания о прошлых временах,
Четырехлетние, в промерзнувших стенах.
Ах, утро дивное! Во сне подарки снились;
Чудесный сон и явь теперь соединились!
В прозрачном золоте конфеты с мишурой,
Игрушки разные, беспечный, пестрый рой,
То пляшущий вокруг в роскошном, звучном блеске,
То исчезающий под сенью занавески.
Проснешься поутру, глаза себе протрешь,
И сразу чувствуешь, как этот мир хорош;
Волос не причесав, бежишь ты в нетерпенье;
В твоих глазенках свет, в сердечке детском пенье;
И ты, растроганный малейшим пустяком,
К дверям родительским подкравшись босиком,
В одной рубашке к ним врываешься, ликуя,
И на твоих губах отрада поцелуя.

IV

Звучавшие не раз прекрасные слова!
Неужто минули навеки торжества?
В камине поутру горел огонь, бывало,
И пламя комнату в морозы согревало;
Плясали отблески, а это добрый знак,
Когда на мебели поблескивает лак;
Обычно без ключей пылился шкаф просторный;
Стоял он запертый, коричневый и черный.
Где ключ? Не странно ли? Недвижно шкаф стоит,
Он тайны дивные, наверное, таит;
В шкафу диковинок, пожалуй, целый ворох;
Недаром слышится оттуда смутный шорох.
Опять родителей сегодня дома нет,
Неосвещенный дом камином не согрет;
Потеряны ключи от незабвенной сказки.
Нет ни родителей, ни радости, ни ласки.
И вправду к малышам неласков Новый год.
В пустынной комнате расплачутся вот-вот;
Глазенки синие увлажнены слезами;
В них можно прочитать: пора вернуться маме!

.....

V

И снова малыши заснули в тишине,
Но, безутешные, не плачут ли во сне?
Дышать им тяжело, у них распухли веки;
Сердечко детское не заживет вовеки.
Но ангел осушить им слезы поспешил
И в этом тяжком сне отрадный сон внушил;
Такой отрадный сон, что губы трепетали,
И, кажется, они блаженно лепетали.
Им снилось, что поднять им головы пора,
Что начинается другая жизнь с утра,

Что взор блуждающий рассеял заблужденье
И в розовом раю настало пробужденье.
Для них поет очаг в сиянии дневном,
Радужно небеса синеют за окном,
Преображается земля полунагая,
Оцепенение сквозь сон преодолевая,
Как будто солнце к ней, возлюбленной, пришло,
Вся в красном комната, в которой так тепло!
Одежды темной нет уже вблизи постели,
Не дует больше в дверь, не дует больше в щели,
Волшебница была здесь только что, да-да!
Два крика радостных послышалось тогда.
Луч розовый сверкнул, пробившись очень кстати,
И что-то вспыхнуло у маминой кровати.
Два медальона там на коврике лежат,
Веселый перламутр и сумрачный гагат,
Посеребренные, но каждый в черной раме;
На них читаются два слова: «НАШЕЙ МАМЕ!»

.....

Перевод В. Микушевича

SENSATION

ОЩУЩЕНИЕ

Один из голубых и мягких вечеров...
Стебли колючие и нежный шелк тропинки,
И свежесть ранняя на бархате ковров,
И ночи первые на волосах росинки.

Ни мысли в голове, ни слова с губ немых,
Но сердце любит всех, всех в мире без изъятья,
И сладко в сумерках бродить мне голубых,
И ночь меня зовет, как женщина в объятья...

Перевод И. Анненского

ОЩУЩЕНИЕ

В вечерней синеве, полями и лугами,
Когда ни облачка на бледных небесах,
По плечи в колкой ржи, с прохладой под ногами,
С мечтами в голове и с ветром в волосах,

Все вдаль, не думая, не говоря ни слова,
Но чувствуя любовь, растущую в груди,
Без цели, как цыган, впивая все, что ново,
С Природою вдвоем, как с женщиной, идти.

Перевод В. Левика

ОЩУЩЕНИЕ

В сапфире сумерек пойду я вдоль межи,
Ступая по траве подошвою босою.
Лицо исколют мне колосья спелой ржи,
И придорожный куст обдаст меня росюю.

Не буду говорить и думать ни о чем —
Пусть бесконечная любовь владеет мною, —
И побреду, куда глаза глядят, путем
Природы — счастлив с ней, как с женщиной
земною.

Перевод Б. Лившица

ВЛЕЧЕНИЕ

Направлюсь вечером я прямо в синеву;
Колосья соблазнят мечтателя щекоткой;
Коснется ветер щек, и я примну траву,
Беспечно странствуя стремительной походкой.

Пойду, не думая о том, чего не жаль;
Впервые утолив мой пыл нетерпеливый,
Кочевника прельстит изменчивая даль:
Природа, я в пути любовник твой счастливый!

Перевод В. Микушевича

Мне жаль, что миновал Кибелин* век бесследно,
Когда владычица на колеснице медной
Из града одного в другой держала путь
И, по преданиям, ее двойная грудь
Жизнь вечную лила, питая человека,
Который ликовал, вкусив святого млека,
И, как дитя, играл, обласканный с пелен,
Душой и телом чист, а стало быть, силен.

«Я знаю суть вещей», — теперь твердит несчастный,
А сам он слеп и глух, бессильный и бесстрастный;
Нет более богов, стал богом человек,
Но без любви сей бог — калека из калек.
Когда бы приникал к сосцам твоим, Кибела,
Как прежде, человек, чтоб кровь его кипела,
Когда бы до сих пор ему была мила
Астарта** нежная, которая всплыла,
Свой розовый пупок явив среди пены белой,
Благоухая там, где море голубело,
И, черноокая, торжествовала впредь,
По-соловьиному сердца заставив петь.

II

Я верую в тебя, морская Афродита,
Божественная мать, однако где защита,
Когда привязаны мы к скорбному кресту?
Я верю в мрамор, в плоть, в цветок и в красоту.
— Да, жалок человек, подавлен, озабочен;
Одежду носит он, болезненно порочен;
Его прекрасный торс попорчен в толкотне;

* Кибела — в древне-греческой мифологии богиня плодородия.

** Астарта — греческий вариант имени богини любви и власти Иштар, заимствованной греками из шумеро-аккадского пантеона через культуру финикийцев.

Подобно идолу в безжалостном огне,
Искажена теперь былая стать атлета,
Который хочет жить хоть в качестве скелета,
Уродством клеветца на прежний стройный мир;
Твой лучший замысел, твой девственный кумир,
Когда бы женщина в скудели нашей скудной
Вновь приобщила нас к божественности чудной,
Чтобы могла душа, как прежде, превозмочь
Темницу брENNую, земную нашу ночь,
И, несравненная, сравнилась бы с гетерой,
Но нет! смеется свет над гордою Венерой,
Как будто красота ее заклеимена!

III

О, если бы вернуть былые времена!
Все роли человек сыграл в земной юдоли —
И в близком будущем, возжадав прежней воли,
Кумиры сокрушив, низвергнув их закон,
Постигнет небеса, откуда родом он.
Восторжествует мысль над суеверным страхом,
И в человеке бог, порабощенный прахом,
Восстанет, обожжет сиянием чело —
И, убедившись, что прозревшему светло,
Вернешь ему размах и силы дашь для взлета
Ты, ненавистница ветшающего гнета;
Возникнешь снова ты средь солнечных морей
С неотразимую улыбкою твоей,
Безмерную любовь распространяя в мире;
И затрепещет мир, уподобляясь лире,
В ответ на поцелуй, который ты сулишь!

— Возжаждал мир любви, ты жажду утолишь.

.....

Воспрянет человек с мечтой своей свободной,
И светоч красоты извечно первородной
В нем бога пробудит, чей храм — святая плоть;
Готовый скорбь свою былую побороть,
Захочет человек исследовать природу,
Чтоб кобылица-мысль почувяла свободу
И снова, гордая, решилась гарцевать,
И с верой человек дерзнул бы уповать.
— Зачем отверзлась нам лазурь немая бездной,
Где звезды в толчее родятся бесполезной?
Когда бы, наконец, мы вознеслись туда,
Увидели бы мы огромные стада
Миров, спасаемых в пустыне безучастной
Премудрым пастырем, который волей властной
В эфире движет их, вверяя свой глагол
Тому, кто верою сомненье поборол?
Так, значит, мысль — не бред, и есть у мысли голос?
А человек, созрев, как слишком ранний колос,
Куда скрывается? Быть может, в океан,
Где всем зародышам свой срок навеки дан,
Чтоб воскрешала всех в своем великом тигле
Природа, чью любовь еще не все постигли,
В благоуханье роз не распознав себя?

Незнание нас гнетет, беспомощных губя,
Химеры душат нас в стремленье нашем рьяном;
Из материнских недр, подобно обезьянам,
Мы вырвались на свет, а разум против нас,
И от сомнения он страждущих не спас.
Нас бьет сомнение крылом своим зловещим,
И у него в плену мы в ужасе трепещем.

.....

Отверзлись небеса, и тайны больше нет;
Воспрянул человек, узрев желанный свет

В неисчерпаемом роскошестве природы;
И человек поет, поют леса и воды
Торжественную песнь о том, что лишь любовь
Способна искупить отравленную кровь.
.....

IV

О, блеск духовных сил в гармонии телесной,
О, возвращение любви, зари небесной,
Когда, повергнув ниц божественный народ,
Прекраснозаядая и маленький Эрот
В белейших лепестках стопами прикоснутся
К Цветам и к женщинам, не смеющим очнуться,
О Ариадна, ты, следящая с тоской,
Как парус движется по синеве морской,
Вдаль унося корабль с Тезеем у кормила,
Пусть ночь одна тебя, невинную, сломила,
Не плачь, но посмотри на тигров и пантер,
Которые влекут, коням подав пример,
По виноградникам фригийским колесницу,
И брызжет черный сок, приветствуя возницу.
— Вот Зевс, великий бык; на шее у быка
Европа голая, чья белая рука
Средь синих волн дрожит на крепкой вые бога;
Он смотрит искоса, как млеет недотрога,
Ланитою клонясь под сень его чела;
Зажмурилась она и как бы замерла;
Ей первый поцелуй и сладостен, и страшен,
А шелк ее волос волнами разукрашен;
Вот лебедь в лотосах, предчувствуя полет,
Под олеандрами мечтательно плывет;
Крылами белыми ласкает лебедь Леду.
Киприда шествует и празднует победу;
Округлая, под стать роскошным бедрам, грудь
Могла бы осветить во мраке ночи путь;